

Александр Куприн

Система

Александр Иванович Куприн

Система

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=172695

Аннотация

«Познакомились мы друг с другом в прелестном княжестве Монако в 1912 году. Я в то лето без всякого труда, свободно и весело выиграл в казино Монте-Карло (в Карлушкиной Горке, как называет И. С. Шмелев) несколько десятков тысяч франков. Я бы, пожалуй, продолжал и дальше играть, но это не вышло. Последний, взятый мною куш был так велик, что я решил сделать в игре перерыв, чтобы отдохнуть и подкрепиться в буфете, так как утром забыл позавтракать, а теперь уже шел одиннадцатый час вечера. Путь мой шел через большой гранитный вестибюль. Там у колонны сидел скромно мой друг. Я высыпал ему на юбку весь выигрыш: сто– и тысячефранковые билеты, множество золотой мелочи и большое количество золотых стофранковиков, тяжелых, желтых и красивых, как только что выпеченные сдобные хлебцы...»

Система

Познакомились мы друг с другом в прелестном княжестве Монако в 1912 году. Я в то лето без всякого труда, свободно и весело выиграл в казино Монте-Карло (в Карлушкиной Горке, как называет И. С. Шмелев) несколько десятков тысяч франков. Я бы, пожалуй, продолжал и дальше играть, но это не вышло. Последний, взятый мною куш был так велик, что я решил сделать в игре перерыв, чтобы отдохнуть и подкрепиться в буфете, так как утром забыл позавтракать, а теперь уже шел одиннадцатый час вечера. Путь мой шел через большой гранитный вестибюль. Там у колонны сидел скромно мой друг. Я высыпал ему на юбку весь выигрыш: сто- и тысячефранковые билеты, множество золотой мелочи и большое количество золотых стофранковиков, тяжелых, желтых и красивых, как только что выпеченные сдобные хлебцы.

Она спокойно сказала;

– Тебе везет. Может быть, ты еще поиграешь?

Вот тут-то я и взвился. Надо сказать, что в далекие от этого времени годы я прослужил около одиннадцати месяцев актером в бродячей драматической труппе, и пародии на бурные страсти, на возвышенные чувства мне даются очень легко.

– Ка-ак! – вскричал я полузадушенным блеющим голосом, закатывая глаза и устремляя перст в потолок. – Это ты! Человек, любимый и уважаемый мною больше всего на све-

те! Ты! Кого я чту, как высокий образ доброты, милости, ума и порядочности. Ты! Моя радость, гордость, утешение и подпора! И ты своими чистыми, непорочными устами посылаешь меня... Но куда-а-а? Посылаешь в эту ужасную гнусную клоаку, где ненасытимая жадность стирает с человеческих лиц образ и подобие божие! В этот кипящий дьяволами смрадный ад! Ибо нет на всем свете влечения более грязного, страсти более свирепой, порока более заразительного, чем азартная игра! О, ужас! Ужас!

Так я декламировал вполголоса, дико вращая глазами. Никаких этих трагических чувств во мне совсем не было. Просто: минутная победа над судьбою веселила мое сердце и заставляла меня паясничать по-мальчишески. Было также маленькое, совсем невинное, проказливое удовольствие кольнуть хоть раз в жизни, хоть шутя, прекрасного, безукоризненного человека. Но я взглянул и сразу осекся, не договорив монолога. В давно знакомых мне милых и умных глазах растаяла улыбка, и они глядели с тревогой, с вопросом, с укором, с затаенной виноватостью.

Этого я не мог вынести. Поспешно попросил прощения в дурацкой буффонаде, сказал другу, что она – ангел, а я свинтус, и тут же торжественно порешил, что играть больше в Монте-Карло не стану. Ведь черт возьми! Уехать с Лазурных берегов после сладкого выигрыша и чувствовать себя потом на всю жизнь гордым победителем и человеком с железной волей – это не так уже часто встречается. Расспро-

сите-ка по этому поводу всех ваших знакомых, когда-либо посещавших Ниццу, Ментону, Канны, княжество Монако и Рокебрюн. Всякий вам наскажет с три короба случаев колоссальных, умопомрачительных, феерических выигрышей. А в результате?

– Увы. Полный крах. Пришлось у добрых знакомых взять займы на обратный проезд. Телеграфным переводам из России уже не доверяли. Все равно: получим – и опять поскочим в Монте-Карло, в это сосущее болото.

Другие земляки, проигравшись в лоск, обращаются к администрации казино за помощью для отъезда домой. Отказ бывает очень редко. Один из служащих в казино, человек исключительной зоркости и безошибочной памяти, так сказать – глаз учреждения, всевидящий и всезнающий, незаметно для просителя, окидывает его острым взглядом и мгновенно аттестует его: проиграл приблизительно столько-то; ни в скандалах, ни в присвоении чужих ставок не замечен. И этого совершенно достаточно для получения суммы, необходимой на покупку билета второго класса и еще на кой-какие нужды, вроде папирос, завтрака и чаевых носильщикам. Когда этот бывший клиент спустя пять или даже десять лет вновь явится в бюро Монте-Карло за получением билета для входа в казино, то первое, что ему предлагают, – это уплатить давнишний поездной должок. Впрочем, о таких невинных сделочках посетители казино почему-то не особенно много рассказывают; предпочитают молчать. Так же безмолвству-

ют они и о прежних поражениях. «Ничего, пусть были в прошлом неудачи. А вот теперь-то мы взбунтуем эту самую рулетку! Умней стали и систему выработали».

Я всегда считал себя человеком не особенно крепкой воли и потому искренне обрадовался, когда убедился в том, что добровольное отрешение от рулетки дается мне легко и даже весело. Вместо утомительных ежедневных поездок из Ниццы в Монте-Карло, по два раза туда и обратно, вместо многочасовых сидений на стуле, в густых запахах табака, нездоровых дыханий и крепких, терпких отвратительных духов, передо мною вдруг открылись великолепные просторы времени, пространства и чистого воздуха. Жизнь была обеспечена надолго вперед. Не нужно было работать, насилуя себя, по заказу, без любви и увлечения, ради еды и пристанища на завтрашний день. Прекратилось постыдное клянченье авансов, которые приходят всегда в урезанном размере и приходят с такой мучительной проклятой медлительностью.

Только теперь я заметил, что в нашем дворе душисто цветут лимоны и апельсины, что море благоухает лучше всех ароматов в мире и что недалеко от меня оно нежно сливается с голубым небом, образуя хрустальный купол.

Работа стала для меня не тяжелой обузой, для исполнения которой я ежедневно должен был тащить самого себя за волосы к письменному столу, но лучшими, счастливейшими часами дня. Я вошел в ту ладную, гладкую полосу послуш-

ного творчества, когда мысль без затруднения переходит в слова, а слова свободно ложатся четкими строками на бумагу без единой заминки, без единой поправки; когда пишешь, не уставая, весь день, даже за обедом, даже среди разговора с двумя-тремя лицами; когда аппетит, как у каменщика, сон глубок и так отраднo хочется делать добро, услугу, помощь каждому ближнему.

Я снова узнал прелесть и сладость заслуженного отдыха: прогулки в горы, рыбную ловлю, катанье на килевой лодке, под туго натянутым латинским парусом, коротенькие поездки по Провансу; в древний Арль, знаменитый на весь мир необыкновенной красотой своих женщин и славящийся среди едоков высокими качествами своих колбас с чесноком; в Ним и Фрежюс, где до наших времен простирают друг к другу полуразрушенные арки развалины старинных, гигантских римских цирков; в Тулон, где старые моряки еще вспоминают с дружелюбной улыбкой бывший русский флот и торжественные встречи с ним; в уютный Тараскон, недавно стыдившийся своего земляка Тартарена, а теперь уже гордящийся им перед любопытными путешественниками; в Авиньон, где нет ничего замечательного, кроме форелей, отличных булочек и дворца, когда-то резиденции плененных пап.

И все-таки наиболее занятым и интересным для меня оказалось княжество Монакское, до сих пор заслоненное, скрытое от моих глаз беспрестанной игрой в рулетку. Ну, что за прелесть, например, монакская армия. Две зеленые

бронзовые пушки XVII столетия, шесть нарядных красавцев солдат, двенадцать офицеров еще более красивых, роскошно убранных золотом, серебром и всеми разноцветными перьями, какие только есть на петухах, попугаях, павлинах и райских птицах. Когда это войско делает смену караула, то глаза слезятся и слепнут.

Очень интересен и дворец с фамильными портретами высокого рода Гримальди. Какие упитанные чернокудрые лица, какие короткие шеи и мощные затылки, разбухшие от усиленного питания овечьим жиром, крепкими буйабезами, эскарго по-бордосски и горячим густым южным вином! Конечно, это только легенда, что первые Гримальди были пиратами. Пиратами – конечно, нет, но почтенными флибустьерами и уважаемыми корсарами – наверно: уж такой у них на портретах суровый, коричневый загар, такие хмурые, зоркие глаза, такие сжатые, решительные губы и такие волевые подбородки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.